

СОВЕТСКАЯ АРХИТЕКТУРА И ЗАПАД: ОТКРЫТИЕ И АССИМИЛЯЦИЯ ЗАПАДНОГО ОПЫТА В СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ КОНЦА 1950-х – 1960-х ГОДОВ

Ольга Якушенко

Ольга Якушенко – аспирант факультета истории и цивилизации Европейского университетского института во Флоренции. Адрес для переписки: Department of History and Civilization, European University Institute, Villa Salvati, Via Bolognese 156, Florence 50139, Italy. olga.yakushenko@eui.eu.

В данной статье анализируются отношения советской и западной архитектуры во время и после периода оттепели и хрущевских реформ в области архитектуры и строительства. К концу 1950-х годов основной западный стиль эпохи – послевоенный модернизм – становится официальным советским архитектурным стилем. Большая часть статьи посвящена процессу «научения» советских архитекторов новому стилю и знакомству с зарубежной профессиональной практикой: какие виды информации о западной архитектуре были известны, по каким каналам они поступали, кто и зачем ездил за границу, какой цензуре подвергались западные архитектурные издания и т. д. Автор приходит к выводу о том, что с 1960-х годов советская архитектура включается в систему мировой архитектуры в роли периферии и о том, что визуальная «вестернизация» советской архитектуры не изменила ее внутренней структуры и имеет скорее негативные последствия для восприятия и оценки советского архитектурного наследия постсталинской эпохи.

Ключевые слова: Холодная война; железный занавес; модернизм; советская архитектура; советский модернизм; культурные трансферы; Никита Хрущев; оттепель; СССР и Запад

Исследования отношения к Западу и связей с ним являются ключевыми для понимания истории советской архитектуры постсталинского периода. Европейский и американский послевоенный модернизм стал моделью для новой советской архитектуры с конца 1950-х годов. Более того, именно в это время советская архитектура включилась в общемировую систему координат. Участвовавшие поездки (в том числе по так называемому обмену), чтение литературы и личные контакты с зарубежными коллегами дали советским архитекторам возможность почувствовать себя частью глобального архитектурного процесса, впервые после 1920-х годов. Здесь не идет речь об уникальности сталинского ампира – он существовал параллельно с немецкой, итальянской, американской и даже французской нео-

классикой. Дело в новых возможностях наблюдать, контактировать, обмениваться информацией и принимать участие (конкурсы, конференции) в развитии зарубежной архитектуры, которая появилась у советских архитекторов после хрущевской оттепели. Эти изменения важно понимать и исследовать не только потому, что последствия новых контактов влияли на советскую строительную практику, но и потому что они задавали другую систему координат, другие критерии оценки архитектуры. Советская архитектура сталинского периода ориентировалась сама на себя и на мастеров далекого прошлого, постсталинского – на XX век и своих зарубежных современников. Важно и то, что мы сейчас оцениваем архитектуру исходя из глобальных, а не локальных координат, и это – тоже наследие позднего советского периода.

В этой статье ставится ряд вопросов, касающихся не только отношений советских архитекторов с Западом¹, но и истории и онтологии советской архитектуры *per se*. Мы постараемся показать, что с середины 1950-х годов заграничные связи в области архитектуры стали интенсивными, инициировались государством и поддерживались с его стороны. Это указывает на то, что по своему восприятию со стороны советских властей архитектура вышла из области искусства (где сближение с Западом замалчивалось или осуждалось), став частью строительства и инженерии. Модернистская по своей сути, эта идея вполне соответствует строительной практике позднего советского периода, в которой большинство построек были выполнены по типовым проектам. Несмотря на большое количество минусов от слияния с инженерией, именно благодаря ему советская архитектура смогла предпринять смелую попытку стать частью мирового архитектурного процесса, сначала жадно впитывая информацию о западной, европейской и американской архитектуре, а затем стремясь представить себя в мировом профессиональном сообществе.

Данная статья посвящена в большей степени первой части этого процесса – открытию западной архитектуры через книги и журналы, которые стали доступны в конце 1950-х, а также первым поездкам архитекторов за рубеж. Мы также выскажем несколько предположений о том, как контакты с Западом влияли на архитектурную практику, и укажем на то, как сравнение двух архитектурных систем помогает отчетливее увидеть своеобразие советского опыта. В основу первой части этой работы легли опубликованные мемуары, статьи, а также несколько интервью, взятых автором у архитекторов, бывших свидетелями оттепельных изменений в профессии. В том что касается информации о поездках архитекторов «по обмену» и прочего, мы опирались на обширный архивный материал, хранящийся в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве (РГАЛИ).

В центре данного исследования – конец 1950-х – 1960-е годы, то есть хрущевская и ранняя брежневская эпоха. Мы выбрали именно этот период, поскольку это время новой волны поездок за рубеж (после сталинской попытки автаркии), новых контактов, публикации новых книг о западных архитекторах; время, когда за-

---

¹ Мы используем понятие «Запад» как условный дискурсивный конструкт, который в данном случае означает страны Европы и США как наиболее важные ориентиры «капиталистической» и «буржуазной» архитектуры для советских архитекторов.

рубежная архитектура становится частью профессиональной жизни советских архитекторов. Мы полагаем, что к 1970-м годам все это становится рутинной, теряет новизну, а нам интересен именно процесс встречи с новым и его включение в советский дискурс и практику.

В нашей работе, как и в любом другом исследовании контактов между СССР и несоциалистическим миром периода Холодной войны, мы сталкиваемся с необходимостью концептуализировать понятие *железного занавеса*. С начала 2000-х годов это выражение, равно как и сама метафора Холодной войны, становится объектом все более резкой критики со стороны исследователей. Уже в середине 2000-х венгерский исследователь Дьердь Петери (Péteri 2004) указал на эвристические ограничения, которые накладывает на исследовательскую мысль эта метафора, и предложил заменить ее метафорой *нейлонового занавеса* – проницаемой преграды, сквозь которую происходит обмен между социалистическим и капиталистическим лагерями. В нашем исследовании мы бы скорее сравнили железный занавес с фильтром, мембраной или шлюзом – проницаемой преградой, которая имеет определенный алгоритм пропускного отбора и механизм регуляции (не без сбоев, разумеется), изменяющиеся в зависимости от сферы, в которой происходит взаимодействие.

В советской историографии исследования трансферов (Espagne and Werner 1987; Espagne 2013) и иностранных влияний (как технологических, так и культурных), происходящих сквозь «мембрану» железного занавеса, занимают значительное место – начиная с закупок заводов в США в конце 1920-х годов (Касьяненко 1987; Шпотов 2005, 2013), концепции Москвы как культурной столицы мира в 1930-е (Clark 2011), продолжая трофейными технологиями во время и после Второй мировой войны (Jersild 2011) и совместными предприятиями (Кочеткова 2013), заканчивая исследованиями почти массового туризма позднего СССР (Горсач 2010). К сожалению, на данный момент не существует обзорных работ по трансферам в Советский Союз, так же, как и нет обобщающих исследований по контактам, обменам и заимствованиям в отдельных сферах советской жизни – в отрасли науки, техники, в разных видах искусства или сферах повседневной жизни. Можно отметить опыт концептуализации технологических обменов в хрущевскую эпоху в работе финского историка Сари Аутио-Сарасмо (Autio-Sarasmo 2011), который в духе акторно-сетевой теории уделяет внимание не только перемещаемым объектам, но и научаемым навыкам и заимствуемым практикам. На данный момент исследования трансферов в советской историографии представляют совокупность кейсов, при этом нужно признать, что обобщения в данном случае действительно делать трудно.

В послесталинском Советском Союзе в сфере технологий обмена были многочисленными, открытыми и инициировались «сверху», тогда как в сфере культуры (особенно с начала 1960-х годов) современные западные течения либо игнорировались, либо принимались враждебно, подражание им не приветствовалось².

---

² См., например, о советской композиторской музыке второй половины XX века: Schmelz (2009); о влиянии Голливуда на советское кино: Zhuk (2014).

В архитектуре нелегко отделить эстетическое от технического, причем трудно говорить и о доминировании одного или другого, отношения между ними скорее динамические. В нашем исследовании мы сосредоточились прежде всего на архитектуре как эстетической практике, стиле, а также нарративах, построенных вокруг подобного понимания архитектуры.

До сих пор тема отношений советских архитекторов с зарубежьем во время оттепели и после нее не была подробно исследована. В 2004 году вышла обзорная статья доцента Московского архитектурного института (МАрхИ) Анны Бронувицкой «Сны о чем-то дальнем: советская архитектура и Запад от “оттепели” до перестройки». В ней дается весьма интересная подборка фактов и прослеживается примерная динамика открытости/закрытости советской архитектуры по отношению к западным коллегам. Французский историк искусства Фабьен Белла посвятил несколько работ связи советских архитекторов с США, Италией и Францией в эпоху позднего СССР (Bellat 2007, 2014). Насколько нам известно, этим список исследователей, занимающихся темой связей и взаимовлияния советских и западных архитекторов в исследуемую эпоху, исчерпывается.

Вводная часть настоящей работы посвящена коренной смене архитектурного стиля и строительной практики, которые произошли в советских архитектуре и строительстве в середине 1950-х годов. Далее мы рассматриваем изменения в преподавании и режиме доступа архитекторов к материалам по иностранной архитектуре в конце 1950–1960-х годах, а также указываем на различные каналы получения информации о ней. В третьей части работы мы анализируем зарубежные поездки архитекторов (как профессиональные, так и туристические). Четвертая часть посвящена последствиям для советской архитектуры интенсивных контактов с заграницей и коренным различиям двух архитектурных систем. В заключении представлены некоторые итоги настоящего исследования и намечены дальнейшие перспективы его развития.

ХРУЩЕВСКАЯ «ПЕРЕСТРОЙКА» В АРХИТЕКТУРЕ И СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Именно архитектура и строительство стали одной из первых областей, претерпевших значительные изменения с началом хрущевской оттепели. Практически сразу после прихода к власти Никита Хрущев произвел коренную реформу архитектуры. Еще в 1930-е годы, работая в московском горкоме и обкоме партии, он проявлял интерес к индустриальным методам в строительстве (Прозуменщиков 2009). То, что реформа архитектуры и строительства (она же – начало жилищной программы, она же – смена сталинского стиля на международный модернизм) стала первым, что сделал новый первый секретарь, указывает в первую очередь на политическую важность этой сферы, основанную на тяжелом жилищном кризисе в стране.

В феврале 1954 года в Москве открылось Всесоюзное совещание строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов, строительного и дорожного машиностроения, проектных и научно-исследовательских

организаций, на котором сам Хрущев неожиданно и недвусмысленно раскритиковал сталинскую архитектуру за ее дороговизну и помпезность. Историк Дарья Бочарникова (Bocharnikova 2014) убедительно показывает, что наступление на сталинскую архитектуру вписывалось в сложную борьбу между архитектурными группами и было, по крайней мере формально, инициировано обличительным письмом в ЦК КПСС архитектора Георгия Градова. Архитектурный критик Григорий Ревзин описывает ситуацию таким образом:

некто Георгий Градов написал письмо в ЦК, где указал, что в отделе архитектуры у нас вредители – старые профессора, которые не дают перейти на новые индустриальные методы строительства, удешевить архитектуру, и в результате мы не можем строить жилье, мы не можем ответить на потребности народа, а вместо этого создаем высотные здания, то есть очень дорогие решения, которые уже только помпезности. И вот на основании этого письма началась комиссия ЦК, которая начала готовить вот это самое постановление об излишествах, то есть начало совещания по строительству³.

Через год после Всесоюзного совещания, 4 ноября 1955 года, вышло постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Кроме основной идеи – осуждения сталинского стиля и поворота к экономии в строительстве – оно предлагало советским архитекторам изучать и «смелее осваивать передовые достижения отечественного и *зарубежного* строительства»⁴. Необходимо отметить, что радикально новым в хрущевской реформе строительства и архитектуры было именно обращение к Западу и отказ от неоклассических форм сталинской архитектуры. Тема экономии в строительстве, самокритика по этому поводу, требования повысить темпы строительства и так далее были неотъемлемой частью архитектурного дискурса еще с 1920-х годов, а реальная работа над индустриальным домостроением и типовыми проектами активно велась в СССР с послевоенного времени, причем в форме эксперимента – с довоенного. Таким образом, во многом хрущевская реформа продолжала начатое в позднюю сталинскую эру. Как отмечает Сергей Жук (2013), большинство современных историков приходят к мнению о том, что оттепельная культура скорее вырастает из послевоенной сталинской культуры, чем кардинально порывает с ней. Однако, как справедливо отмечает Анатолий Пинский (Pinsky 2015), дихотомия преемственности/разрыва, во-первых, не является исключительно важной для этого периода, а во-вторых, ее разрешение зависит от объекта исследования. В архитектуре, с одной стороны, наблюдался жесткий разрыв со сталинским стилем, а с другой – преемственность в области типового строительства и архитектурного образования (Басс 2016).

Важно отметить, что изменения, произошедшие во второй половине 1950-х годов, повлияли на статус архитектурной профессии в Советском Союзе. В связи с

---

³ Интервью с Григорием Ревзиным для передачи «Дорогой наш Никита Сергеевич», радио «Эхо Москвы», 20 июня 2010 года (<http://m.echo.msk.ru/interview/detail.php?ID=687897>).

⁴ Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года №1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» (<http://www.sovarch.ru/postanovlenie55>; курсив добавлен).

распространением типовых проектов, стремлением к экономии, кардинальным упрощением архитектурного стиля, престиж работы архитектора упал. Типовое строительство превратило большинство архитекторов в оформителей инженерных решений. Изменение статуса архитектуры символически выразилось в названиях журналов и институций, где к «архитектурный» было добавлено «строительный»: журнал «Архитектура СССР» стал журналом «Архитектура и строительство СССР» и начал больше освещать технический материал, Академия архитектуры СССР, незадолго до расформирования в 1963 году, стала Академией строительства и архитектуры – строительство оттесняло архитектуру, и последняя теряла свой престиж. Речь Хрущева на Всесоюзном совещании задала критический тон на несколько десятилетий вперед. В общественном сознании архитекторы стали лично ответственны за жилищный кризис, плохое качество или недостаточно эстетичный вид новых зданий. Советский архитектор Феликс Новиков вспоминает о речи Хрущева на Всесоюзном совещании так: «Я воспринял ее как личное оскорбление. Оно глубоко засело в моем подсознании и подобно неискоренимой занозе беспокоило меня, как унижение, которое требовало ответного действия, сатисфакции...» (Белоголовский и Рябушин 2009:132).

Вероятно, далеко не все советские архитекторы восприняли хрущевскую речь так близко к сердцу, однако потерянности и непонимание дальнейшего вектора развития, пожалуй, были общими чувствами. Тот же Новиков вспоминает:

«Перестройка» нас обезоружила. Все, чем мы оперировали прежде, – все классическое наследие оказалось под запретом. Надо было искать какие-то новые пути. И тогда все архитектурное руководство отправилось за рубеж. Главный архитектор столицы А. В. Власов поехал в США, П. В. Абросимов, возглавивший [Союз архитекторов] СССР, отбыл в Италию, И. И. Ловейко, занявший вскоре место Власова, вместе с только что назначенным министром госбезопасности Н. П. Дудоровым вылетел в Париж.... Возвратившись из путешествий, каждый поделился впечатлениями с коллегами, всякий раз до отказа заполнявшими зал ЦДА. А несколько позже, в том самом постановлении с исторической датой 4 ноября 1955 года, в его первом пункте, черным по белому было написано: «Обязать...– далее перечислялись все организации, которых это касается, – смелее осваивать достижения отечественного и зарубежного строительства...». Понятно, что после столь решительного властного напутствия – словно «по щучьему веленью» – открылось окно в мир, и мы обрели в западном опыте искомый импульс творческого обновления (2006).

Кроме поездок архитектурного начальства за рубеж в союзах архитекторов проходили встречи-обсуждения постановления «Об устранении излишеств», а также дискуссии о пути развития советской архитектуры. В стенограммах этих встреч хорошо чувствуется неуверенность докладчиков и их нежелание делать какие-либо четкие утверждения или прогнозы о будущем и сущности советской архитектуры. Трудно сказать точно, как долго длился этот период колебаний, но к концу 1950-х годов советская архитектура уверенно взяла курс на международный послевоенный модернизм.

Нужно отметить, что послевоенный модернизм – его еще называют «второй модернизм» – сильно отличался от «первого модернизма» Ле Корбюзье, Баухауса, Миса ван дер Роэ и советских конструктивистов. Послевоенный модернизм как архитектура мейнстрима (он же – корпоративный модернизм, особенно популярный в США) – это во многом упрощенная, типизированная, технологичная и размноженная версия архитектуры модернистского движения 1920-х годов, часто это здания простой геометрии, с обилием бетона, стекла, стали. Такой усредненный модернизм и перенимается советскими архитекторами, в то время как западные авангардные направления (брутализм или постмодернизм) приходят в советскую практику с сильным опозданием. Таким образом, тот образец, на который стала ориентироваться советская архитектура в конце 1950-х годов – это глобальный мейнстрим, который довольно скоро начнет устаревать. Уже в 1960-е годы итальянский историк архитектуры Вьери Куиличи обвинял современную ему советскую архитектуру в «механической и некритичной имитации упадочных форм западного “дизайна”» и упрекал советских архитекторов в интересе к архитектуре мейнстрима вместо архитектуры «борьбы и критики» (Quilici 1965:20).

Следует отметить, что изменение стиля в советской архитектуре в период оттепели произошло все тем же директивным методом, что и установление господства неоклассики в 1930-е годы. Даже процесс отработки стиля прошел на том же объекте – Дворце советов, новый конкурс на проект которого состоялся в 1956–1958 годах. При этом перед современными исследователями неизбежно встает вопрос: почему именно модернизм? Почему новый советский стиль был официально построен на имитации господствующего западного стиля, а не был развитием и обновлением «своего» конструктивизма 1920-х годов или переработкой неоклассики? Как отмечает американский исследователь Стивен Биттнер (Bittner 2001), реабилитация советского авангарда началась позже, ближе к середине 1960-х, и проходила довольно трудно. Феликс Новиков отмечает, что выбор западного мейнстрима в качестве ориентира получился «естественно ... и по-другому быть не могло. По той простой причине, что отечественный опыт был опытом почти тридцатилетней давности. Нужны были новые технологии, надо было увидеть, потрогать, понять, как, из чего делается современная архитектура во всех своих составляющих» (Белоголовский и Рябушин 2009:27–28). Однако главный отечественный специалист по архитектуре советского авангарда Селим Хан-Магомедов придерживается другого мнения. Он считает, что «архитектурная элита» намеренно не допустила возврата к конструктивизму, не желая «допустить смены творческих лидеров», что значительно задержало развитие советской архитектуры и вынудило ее обратиться к зарубежным образцам (Хан-Магомедов 2013:130–131). Хан-Магомедов указывает на то, что Хрущев относился к конструктивизму без враждебности (в отличие от модернизма в изобразительном искусстве) и, судя по всему, не очень хорошо представлял, что это такое. Мы полагаем, что оба они по своему правы и выбор стиля осуществлялся архитектурной элитой, которой действительно было проще перенять зарубежный опыт, чем перерабатывать и «дотягивать» идеи тридцатилетней давности. Соображение Хан-Магомедова о смене творческих лидеров представляется маловероятным, но вполне понятно, что сроч-

ная реабилитация идей русского авангарда в конце 1950-х потребовала бы радикального политического усиления и решимости со стороны советских архитекторов. Этот процесс шел медленнее и, как указывает тот же Биттнер, завершился ко второй половине 1960-х годов.

К началу 1960-х годов советская архитектура усвоила новый стиль, заимствованный из-за рубежа. Для этого за короткий срок необходимо было перестроить систему визуальных архитектурных ориентиров и встроить буржуазный международный модернизм в систему социалистических ценностей. Кроме того, нужно было дать профессионалам более ясное представление о том, что же представляет собой новый стиль, и ознакомить рядовых архитекторов (и особенно студентов) с развитием европейской и американской архитектуры за несколько десятилетий.

«ДА ВОТ, ЖУРНАЛЫ...»: ЗАПАДНАЯ АРХИТЕКТУРА В ОБРАЗОВАНИИ И ПЕРИОДИКЕ

Одна из сложностей работы в области социальной истории архитектуры заключается в том, что архитекторы, к сожалению, мало пишут. Большинство доступных нам воспоминаний, описывающих хрущевскую «перестройку» архитектуры, написаны уже после распада Советского Союза авторами, которые в начале оттепели были студентами. Таким образом, трудно сказать, какие настроения царили в проектных мастерских во второй половине 1950-х годов, зато о растерянности профессоров и студентов написано довольно много. Особое внимание к молодым имеет смысл также потому, что именно в эти годы происходит смена поколений советских архитекторов (Vocharnikova 2014) – на смену классикам сталинской архитектуры приходят молодые студенты-шестидесятники, люди с другим жизненным опытом и мировоззрением. Это подсказывает и логику настоящего текста: естественно начать его с описания ситуации в образовании и продолжить анализом литературы о западной архитектуре, которая стала доступна с конца 1950-х годов, потому что главными потребителями этой литературы и стали студенты и молодые специалисты.

Данная часть работы опирается прежде всего на опыт студентов и выпускников Московского архитектурного института и частично – Академии художеств в Ленинграде. МАИ⁵ был и остается главным архитектурным вузом страны, и большинство архитекторов, которые пишут статьи или мемуары (то есть «производят» необходимые для настоящего исследования источники), учились именно там.

Потерянность – вот общее впечатление от воспоминаний о середине 1950-х годов. Архитектор Андрей Гозак пишет:

К третьему курсу [1955 год] все мы довольно ловко умели чертить и отмывать. Теперь надо было начинать проектировать. А как и в каком стиле? Этого никто не знал, включая и наших новых преподавателей А. Душкина, И. Телятникова и В. Голубева. Этого не знало и большинство советских архитекторов. Поста-

---

⁵ Сейчас – МАРХИ, учебное заведения изменило свое сокращенное название в 1970-х годах (до этого – МАИ).

новление о борьбе с излишествами (сюда как раз попадала вся ордерная архитектура) уже свершилось, а призыв партии строить рационально и просто, поглядывая чуть-чуть на Запад, не указывал конкретного стиля.... Ориентироваться в этой ситуации нам было очень трудно, и каждый «пробирался» самостоятельно (2011:110).

Как пишет архитектор Илья Лежава, большинство преподавателей МАИ «пребывали в растерянности», ведь «в начале 1920-х годов многие из них были конструктивистами и считались лидерами “международного стиля”, затем некоторые завоевали высокие позиции в сталинском пролетарском классицизме» (Некрасов и Щеглов 2006:79). Более того, как можно предположить, многие из них помнили 1930-е годы и не торопились верить в «потепление». Восприятие «перестройки» даже молодыми было разным. Так, Феликс Новиков вспоминает, что к изменениям сначала отнесся с недовольством и недоверием, «с кукишем в кармане», и только через несколько лет «возник вкус» к новой архитектуре (Белоголовский и Рябушин 2009:28). О том же самом 1955-м годе выпускник Ленинградской Академии художеств Генрих Хозацкий говорит:

Даже на дипломе, как только мы все [иностраные журналы] увидели, мы тут же отказались от ордерной системы. У меня был руководитель на дипломе – Барутчев Армен Константинович, Левинсон был у моего друга Глатова. И все равно все они в один голос говорили: «Почему вы прячете всю красоту в карман?». Красота в карман – это значит ордерная система, все, что связано с ней. Когда мы говорили: «Да вот, журналы...», они отвечали: «Знаем, мы уже через все это прошли». И действительно, ранние проекты Левинсона были конструктивистские, дом на Карповке, например.... Люди были уже больны и возврата к старому не хотели, они прошли через все это, их устраивала эта ордерная система. И боролись с нами как звери. Но мы все-таки так сделали, что дипломы у нас ордера не содержали, кроме, может быть, одного человека...⁶

Уже к концу 1950-х годов, как пишет другой выпускник МАИ Александр Великанов, большинство студентов не ценили сталинских мастеров (таких как Иван Жолтовский) и не хотели у них учиться: «1958 год, мы, все студенты, любим современную архитектуру, ненавидим все предшествующее – сталинское» (Некрасов и Щеглов 2006:183).

Когда мы работаем с воспоминаниями архитекторов, которые были студентами или работали в этот период, важно то, что тема отношений с границей, ее «открытия» к концу 1950-х годов, возникает сама. Сборник мемуаров выпускников МАИ, составленный и изданный институтом в 2000-х годах, дает этому хороший пример – большая часть выпускников 1950–1960-х годов упоминает иностранную архитектуру и первые поездки за рубеж. Многие из них вспоминают в первую очередь открывшуюся возможность читать зарубежные журналы и книги по западной архитектуре.

---

⁶ Интервью автора, 23 апреля 2014 года, Санкт-Петербург.

Даже в сталинскую эру центральные советские библиотеки, а также библиотеки архитектурных вузов получали зарубежные журналы и литературу по архитектуре, но доступ к этим изданиям был ограничен. В Ленинградской Академии художеств, например, иностранную литературу выдавали преподавателям и аспирантам, но не студентам. В конце 1950-х в Академии художеств доступ к иностранной литературе открыли для студентов, работающих над дипломами, в МАИ – студентам начиная с четвертого курса обучения. К середине 1960-х годов эти книги и журналы стали выдаваться всем студентам. Александр Великанов вспоминает о своеобразном способе обойти ограничения доступа в годы учебы в МАИ (1955–1961): «в спецхран мы уже могли попасть, правда применяя тактику “тотального” ухода за молоденькими библиотекарями» (Некрасов и Щеглов 2006:180). Андрей Гозак, студент МАИ 1953–1959 годов, так описывает студенческие библиотечные практики: «Книг было мало, и самые лучшие находились в “спецхране” у легендарной Веры Федоровны, которая с помощью фотолаборатории репродуцировала их и делала альбомы. Их и выдавали студентам, чтобы сберечь подлинники» (Гозак 2011:111).

При просмотре выездных формуляров архитекторов и строительных специалистов оказывается, что многие из них не говорили на иностранных языках. Выпускник МАИ 1970 года, архитектор Евгений Асс, также подтверждает крайне плохое владение языками среди архитекторов его поколения⁷. В поездке эту проблему можно решить (хотя бы отчасти) с помощью переводчика, но как быть с иностранной литературой? Можно предположить, что основной формой знакомства с иностранными изданиями было рассматривание фотографий и чертежей, если они были. Александр Кудрявцев в воспоминаниях отмечает, что эта практика применялась и к русскоязычным изданиям: «Тогда архитекторы обычно отторгали аналитическую сторону книг по новейшей, современной архитектуре, воспринимались только картинки, поскольку тексты априори несли критику опыта стран капитализма» (2007:8). Это неизбежно означает, что смыслы, вложенные в архитектуру, ускользают или заменяются на свои. Для схватывания смыслов требовались значительно большие усилия, другие практики чтения. Так Генрих Хозацкий, бывший аспирантом Академии художеств в конце 1950-х годов, описывает свою работу над диссертацией о цвете у Ле Корбюзье:

Кстати, тогда я пользовался услугами одного человека, который мне помогал. Такой художник.... Он попал с матерью в оккупацию и оказался в Англии. Там он кончил архитектурный колледж, что-то в этом духе, увлекся русской литературой и решил вернуться в Россию. Мать его вышла замуж и там осталась, а он переехал в Россию. Тут-то мы с ним и познакомились. Мы вместе ходили в библиотеку, и он мне переводил то, что меня интересовало. Когда я учился в аспирантуре, у меня еще дв[е] переводчиц[ы] было. Девушка и еще кто-то. Я им давал, что меня интересовало, у меня переводов вообще куча. Они переводили, я читал⁸.

⁷ Интервью автора, 16 июня 2016 года, Москва.

⁸ Интервью автора, 23 апреля 2014 года, Санкт-Петербург.

Скорее всего, такой метод работы с иностранной литературой не был широко распространен, но он интересен как пример того, как мог получать информацию о зарубежной архитектуре даже специалист, не владеющий иностранными языками. В целом мы далеки от иллюзии того, что все советские архитекторы с середины 1950-х ринулись читать иностранные журналы и стали большими поклонниками, например, Йельской школы архитектуры или нового брутализма. Однако те архитекторы, которые оставили нам свои «голоса», те, чьи мемуары и статьи мы сейчас читаем, чьи здания мы анализируем, проявляли большой интерес к зарубежному опыту. Более того, как мы показали в предыдущей части, этот опыт официально стал моделью для новой советской архитектуры, и именно те люди, которые переносили его на советскую почву, и стали создателями новой архитектурной культуры в СССР. А новая профессиональная культура, в свою очередь, оказывала влияние даже на тех, кто не имел ни малейшего интереса к зарубежной архитектуре и строительству.

Специфика архитектурной профессии такова, что в этой области важнейшую роль имеют не книги, а журналы, в которых публикуется текущая информация о постройках и проектах, фотографии и чертежи. С 1961 года в Советском Союзе начали выпускать ряд переводных иностранных журналов об архитектуре и строительстве: «Современная архитектура» (Франция), «Гражданское строительство» (США), «Промышленное строительство» (ФРГ), «Строительные материалы» (Англия). Из этих четырех изданий только «Современная архитектура» (*Architecture d'aujourd'hui*) является известным и влиятельным изданием, в свое время этот журнал сыграл важную роль в становлении модернизма как стиля и даже после Второй мировой войны оставался одним из важных международных архитектурных журналов.

«Современная архитектура» подвергалась значительным правкам со стороны русской редакции. Например, в номере журнала от 1964 года не была напечатана статья про советский конструктивизм, зато вышел советский комментарий о ее ошибочности (Кандилис 1964). Добавлялись русские предисловия или пояснения, при переводе опускались материалы про культовое строительство, материалы о работе архитектурных организаций, студенческие работы, работы архитекторов со скульпторами и художниками, урезались библиография и теоретические статьи, что вызывало критику даже изнутри Союза архитекторов.

В 1965 году Анатолий Стригалева, готовивший обзор журнала для представления в Союз архитекторов СССР отмечал, что журнал «расценивается русской редакцией как источник научно-технической информации, что не соответствовало принципиально проблематике и характеру АА [*Architecture d'aujourd'hui*] и толкало русскую редакцию на сокращения, переделки и прочее»⁹. Кроме того, в русской редакции «Современной архитектуры» существовала «практика смыслового изменения ряда переведенных текстов и ретуширования фотографий изменяющего их характер (снятие произведений абстрактного искусства с архитектурных сооружений)». Это было уже умышленным «улучшением, бессмысленным и

---

⁹ РГАЛИ, Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 5. Д. 2772. Л. 30.

некультурным»¹⁰. Стригалева был очень недоволен этими правками и подчеркивал, что из-за них «даже для служебного пользования, для работы научно-исследовательских организаций нет ни одного экземпляра полного перевода журнала. Это не даст возможности получить полное представление о характере развития архитектуры на Западе, всесторонне оценивать тенденции и противоречия ее развития, не дает даже настоящей возможности всерьез и ответственно комментировать русское издание “Современной архитектуры”»¹¹.

Кроме прямого пути получения информации о зарубежной архитектуре – пойти в библиотеку и взять нужное издание – существовали и другие способы. Архитектура – часто семейная профессия, и в таком случае молодой архитектор мог иметь зарубежные издания дома, у родителей в мастерской, слышать рассказы об иностранных архитекторах и т. д. Кроме того, в архитектурных вузах сильно развита вертикальная коммуникация (ввиду работы в мастерских), что позволяет младшим получать информацию от старших. Что касается профессионалов, особенно молодых, они могли получать большие объемы информации и доступ к зарубежным изданиям, если работали в мастерских известных мастеров, которые выписывали журналы и привозили из-за границы книги, периодические издания, фотографии. С конца 1950-х годов в Домах архитекторов (как минимум в Москве и Ленинграде) проходят лекции о зарубежной архитектуре с показом слайдов. Счастливицы, побывавшие за границей, привозили фотографии, видео и литературу, которыми могли делиться с коллегами и друзьями. Пример такого показа архитектурного видео для друзей можно увидеть в начале фильма Сергея Герасимова «Любить человека» (1972).

Вышеописанные неформальные способы получить знание о западной архитектуре говорят о том, что возможность минимальной осведомленности существовала внутри профессионального сообщества всегда. Однако в сталинскую эпоху эта информация была мало релевантна, поскольку проектировать в ином, отличном от неоклассики стиле было невозможно. Кроме того, это могло быть опасно, и более всего – в послевоенный период «ждановщины». Интерес (особенно со стороны молодежи) и запрос на этот тип информации появляется после хрущевского «переворота» в архитектуре и строительстве, поскольку с этого момента появляется возможность и даже прямое указание строить иначе.

В этой части статьи мы затронули проблему изменений в архитектурном образовании, которая произошла в конце 1950-х, и постарались показать, что с этого момента архитекторам был доступен очень большой пласт информации о зарубежной архитектуре. Однако нужно отметить важную деформацию, которую (осознанно – в случае цензуры, неосознанно – из-за незнания языка) претерпевали зарубежные источники. Они лишались текста и превращались в источник визуальной информации, которую уже на месте советские архитекторы могли интерпретировать как угодно. Таким образом, архитектура становилась чертежом или картинкой, лишалась того смысла, который в нее вкладывали авторы или за-

¹⁰ РГАЛИ, Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 5. Д. 2772. Л. 30.

¹¹ РГАЛИ, Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 5. Д. 2772. Л. 31.

падные интерпретаторы. Нужно отметить, что модернистская архитектура в принципе идеологична, а 1960-е годы стали новыми 1920-ми – временем возвращения сложной идеологии в архитектуру. Это начало постмодернизма, расцвет брутализма, дискуссии о будущем архитектуры. Идеологическая основа западной архитектуры проникала в Советский Союз медленно и в сильно искаженном виде. Например, дискуссии и публикации о постмодернизме были часты в СССР в 1980-е годы, то есть на 15–20 лет позже, чем в США и Европе (Касьян 2014). В основном советские архитекторы получали в свое распоряжение форму, которую потом могли описывать в терминах социалистической архитектуры, давать (или не давать) ей свои смыслы, имея очень слабое представление об исходных.

ПЕРВЫЕ ПОЕЗДКИ: КОМАНДИРОВКИ, ТУРИСТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ, КОНФЕРЕНЦИИ

Несмотря на то, что исследования советского туризма довольно хорошо развиты, профессиональный туризм (так называемый спецтуризм) – тема, исследованная мало. В современной историографии «советские туристы» рассматриваются как общая смешанная группа, внимание уделяется в основном социальному составу (указывают, например, на небольшое количество рабочих) или возрасту (исследования деятельности комсомольского турагентства «Спутник»). В целом для советского туризма послесталинского времени был характерен тщательный отбор участников групп, подробный инструктаж, стремление к тотальному контролю над их поведением за границей (Gorsuch and Koenker 2006; Gorsuch 2011). В том что касается индивидуального опыта выезжавших, исследователи отмечают его двойственность: с одной стороны – культурный шок, восхищение иностранной жизнью, культурой, в том числе материальной, а с другой – желание показать себя и свою страну с лучшей стороны. Опыт профессионального туризма, конечно, отличается от описанного, поскольку такие путешественники имели конкретную цель, тему, оценивали и отбирали зарубежный опыт, который мог пригодиться в СССР, налаживали профессиональные контакты, представляли свою страну и сферу на профессиональном и дипломатическом уровнях, при этом, однако, оставаясь советскими гражданами с набором противоречивых ощущений от заграницы.

Поездки архитекторов за рубеж были частью дореволюционной традиции, когда лучшие выпускники Императорской Академии художеств отправлялись в европейские страны (в основном в Италию), чтобы там работать, вдохновляясь классическими образцами. Традицию продолжила созданная в 1934 году советская Академия архитектуры, отправив своих первых аспирантов на четыре месяца в Италию, Грецию, Францию и Австрию (Косенкова и Самохина 2007). У Ленинградской Академии художеств, преемницы бывшей Императорской, также была возможность отправлять выпускников и сотрудников за границу. Недалеко от Ватикана у Академии художеств была так называемая дача, на которую отправляли художников, архитекторов и искусствоведов на разные сроки. Таким образом, даже в сталинское время некоторые (немногие) архитекторы имели возможность выезжать за рубеж. После середины 1950-х годов возможностей для путешествий стало гораздо больше.

У архитекторов (и профессионалов, и студентов) существовали разные возможности для выезда за рубеж. Кроме командировок, поездок по обмену, делегаций можно было участвовать в туристических поездках от Союза архитекторов. Отличие этого рода путешествий заключалось в том, что туристы платили за свою поездку, в то время как командировочные и члены делегаций не только находились на обеспечении государства, но и получали небольшую сумму денег. Стоимость туристических путевок варьировалась от страны к стране, группы часто были большими (20–30 человек), периодически Союзу архитекторов приходилось отменять туры по причине недобора участников. Кроме того, все документы нужно было собирать и подавать более чем за месяц, для получения виз, а в случае «недокомплекта» группы «Союз архитекторов возмещает все фактические убытки, понесенные Интуристом из-за несвоевременной отправки группы (неоформление документов, виз и т. д.), а также снятия и недокомплекта группы, в результате чего Интурист был вынужден оплатить иномфирмам неустойку»¹².

Вне зависимости от того туристической или институциональной была поездка за рубеж, кандидатуры выезжающих с советской стороны рассматривались рядом соответствующих инстанций. Сначала отправляющая организация должна была рассмотреть кандидатуру выезжающего и дать ему рекомендацию для рассмотрения далее – в соответствующий отдел Госстроя, а затем оттуда в Комиссию ЦК КПСС по выездам за границу; после декабря 1962 года, когда она была упразднена, дела передавались в Отдел кадров дипломатических и внешнеэкономических органов ЦК КПСС¹³.

На данный момент нам не удалось обнаружить в архивах статистических данных о советских архитекторах, выезжавших за рубеж в разные годы. Составить такую статистику по годам самостоятельно довольно сложно по ряду причин: во-первых, сохранившиеся в архивах документы в этом отношении очень фрагментарны; во-вторых, в архивах сохранились *планы* выездов, а не статистика по факту выезда, а по таким спискам нельзя понять, являются ли они списками «по факту» или «по плану»; в-третьих, есть документы с общими цифрами, учитывающими турпоездки и деловые поездки, и в некоторых случаях неясно, как эти данные соотносятся друг с другом. Кроме того, небольшое количество специалистов выезжало каждый год по линии Госстроя и Госгражданстроя на различного рода международные совещания и конференции, по стипендиям ЮНЕСКО и т. д. Собрать все эти данные воедино довольно трудно, однако порядок цифр примерно представить можно.

Ниже мы приведем архивные данные по выездам, собранные по Союзу архитекторов. По нашей оценке, выезжающие от Госстроя и Госгражданстроя добавят к этим цифрам несколько десятков человек в год, а то и меньше. Так, в 1964 году по плану Государственной комиссии по культурным связям от Союза архитекторов в специализированные турпоездки в зарубежные страны (то есть все, кроме стран соцлагеря, но включая Гану, Иран и так далее) должны были отправиться всего

---

¹² РГАЛИ, Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 4. Д. 838. Л. 24.

¹³ С мая 1965 года переименован в Отдел заграничных кадров ЦК КПСС.

257 человек¹⁴. По количеству туристов Союз архитекторов находился на четвертом месте. Самое большое количество спецтуристов отправлялось от Союза писателей – 541 человек, на втором месте – Союз спортивных обществ и организаций с 365 туристами, далее – Союз журналистов с 320 туристами. При этом нужно отметить, что Союз спортивных обществ отправлял 200 человек в Японию и 150 в Австрию (очевидно, на летние Олимпийские игры в Токио и зимние – в Инсбруке), поэтому его туристическая модель качественно отличается от моделей других творческих союзов.

Согласно другой статистике, в 1964 в соцстраны должны были выехать 180 советских архитекторов¹⁵. Таким образом, всего за 1964 год посетить зарубежные страны и страны социалистического блока от Союза архитекторов СССР должны были 437 человек. По статистике Московского отделения Союза архитекторов (МОСА), с 1961 по 1967 год на «зарубежные экскурсии» выехали 1429 советских архитекторов, в разные годы этого периода цифра варьировалась от 125 до 285¹⁶. Интересно посмотреть на страны, которые чаще всего посещали московские архитекторы, – это Финляндия (329 человек), Англия (168) и Италия (121). Первенство Финляндии скорее всего объясняется хорошо налаженными дипломатическими и культурными связями, Италии – традиционным интересом к классической архитектуре, а появление Англии (самое для нас загадочное), возможно, связано со своеобразным англоманством в среде советской интеллигенции (Guilburd 2006). Также непонятно, включало ли общее количество туристов от СА СССР московское отделение. И если да, то примерно половина ежегодных туристов были из Москвы. Так или иначе, эти цифры невелики, особенно если учесть, что при просмотре списков выезжающих мы видим, что большинство из них выезжает не в первый раз. Некоторых из них (например, членов обширной архитектурной династии Бархиных) мы встречали по много раз даже в тех немногочисленных списках выезжавших, что сохранились в архивах СА СССР. Таким образом, можно предположить, что формируется некоторая прослойка архитекторов, обычно уже немолодых и занимающих довольно высокие должности, которые раз в несколько лет или чаще выезжают за рубеж как туристы, а кроме того посещают конференции и ездят в командировки.

Интересно также и то, что, согласно сохранившимся спискам на туристические поездки архитекторов, традиционная схема с первым выездом в соцстрану, а только потом – в капстрану для архитекторов не работала. В этих списках можно встретить людей, которые выезжали в первый раз и сразу же в Англию или во Францию. Нужно отметить, что, хотя большинство выезжавших были членами или кандидатами в члены КПСС или членами комсомола, нередки и беспартийные, выезжающие в первый раз в капстрану.

Мы не уверены, учитывались ли в этих данных студенты-архитекторы, которые могли ездить за рубеж от вуза или по линии комсомола. Илья Лежава вспоми-

---

¹⁴ РГАЛИ, Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 8. Д. 43. Л. 13–17.

¹⁵ РГАЛИ, Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 8. Д. 43. Л. 12.

¹⁶ РГАЛИ, Ф. 2466 /Московское отделение СА СССР/. Оп. 4. Д. 758.

нает про одного из сокурсников, Эльгена Григорьева: «[он] только что приехал из Америки, где учился (кажется, год), и послал туда его сам Николаев [*ректор института*]» (Некрасов и Щеглов 2006:92; курсив в оригинале). Сам Лежава в первый раз попал за границу в 1959 году по студенческой путевке, как и его сокурсники по МАИ. Он же отмечает, что «больше таких путевок не было. Если и были, то попадали только студенты-члены партии или комсомольские вожаки» (85).

Еще меньше архитекторов-членов Союза ездили за рубеж в деловые поездки: в 1967 году – 41 человек, в 1969 – 28, в 1970 – 30¹⁷. Не очень понятно, как именно были подсчитаны эти данные (двусторонние соглашения, поездки с лекциями и так далее), но порядок цифр ясен – несколько десятков человек в год, скорее всего из центральной архитектурной элиты, и примерно одни и те же из года в год. Мы можем привести для примера список зарубежных поездок, совершенных в конце 1950-х – начале 1960-х годов архитектором Михаилом Посохиним. Между 1960 и 1982 годами Посохин был главным архитектором Москвы, в 1962 году получил Ленинскую премию, был председателем Комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР и заместителем председателя Госстроя СССР (1963–1967). В конце 1950-х он занимался проектом Дворца съездов в Кремле и много выезжал для ознакомления с зарубежным опытом в этой области. Список поездок Посохина мы реконструировали по его воспоминаниям (Посохин 1995), скорректированным в свою очередь Андреем Гозаком (Гозак 2011), работавшим в его студии. Вот какой список был получен в итоге: 1954 год – Чехословакия; 1956 – Париж (по линии Академии строительства и архитектуры СССР); 1957 – Греция (по линии Комитета по защите мира); 1958 – поездка по Дунаю (по линии Комитета по защите мира); 1959 – путешествие по курортам Франции (Посохин тогда проектировал курорт в Пицунде), а также в Париж, Амстердам, Копенгаген; 1960 – ФРГ, США; 1961 – Италия, Лондон; 1962 – Италия (Международное совещание по спасению Венеции), Бразилия, Мексика, Куба; 1963 – Италия, дача Академии художеств СССР в Риме (на месяц); 1965 – США. Таким образом, Посохин выезжал за границу почти каждый год, иногда по несколько раз и на продолжительное время (до месяца). Нужно отметить, что Посохин – не только административная фигура, а действующий архитектор, и тот опыт, который он приобрел за рубежом, воплотился в его работах на родине.

Обычно, как по итогам деловых, так и туристических поездок, советские архитекторы должны были предоставлять отчеты. Однако чаще всего этого не происходило. В докладной записке МОСА от 1967 года сообщается следующее:

Итоги поездок тургрупп за рубеж не получают обобщения в форме отчетов, докладных записок или отдельных предложений. Обычно руководители московских групп и старосты по возвращении в Москву в устной форме докладывают о результатах поездки тургруппы председателю Правления МОСА, его заместителям или Оргсекретарю, а руководители тургрупп с периферии – за-

¹⁷ РГАЛИ, Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 4. Д. 844. Л. 105; РГАЛИ, Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 5. Д. 2110. Л. 30; РГАЛИ, Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 5. Д. 2112. Л. 51–62.

ведущему международным отделом. Никакого анализа по итогам поездок туристов за рубеж ни в прошлом году, ни в текущем не проводилось. В 1966 году, например, за рубеж выезжало 6 туристических групп, но ни по одной из них не было предоставлено отчета о поездке. В 1967 году за рубежом побывало 10 тургрупп, однако только по двум из них представлены отчеты по поездке во Францию и Чехословакию¹⁸.

Это наблюдение подтверждается архивными данными – отчетов о поездках за рубеж там немного, и они почти исчезают после второй половины 1960-х годов. Большая часть из сохранившихся отчетов представляет собой либо технический рапорт (это в первую очередь касается отчетов из архива Государственного комитета по строительству), либо рассказ об увиденных достопримечательностях (в архиве Союза архитекторов). Только немногие из них показывают впечатления и повседневные трудности, с которыми сталкивались путешественники.

Кроме прямых профессиональных задач, которые фиксировались в программах, а также не прямых профессиональных – копировать технологии и привозить образцы, у советских архитекторов за рубежом была еще одна – представлять свою страну (Горсач 2010). В рамках этой задачи советские архитекторы не только должны были быть приветливы и произносить идеологически правильные речи, но и бесконечно раздавать подарки.

В отчете о поездке в ФРГ в 1957 году глава делегации пишет: «Здесь уместно сказать, что наша делегация поставила себе задачу не оставлять без подарка-презента, сувенира ни одного человека, с которым мы встречались при своей работе в Западной Германии»¹⁹. Эта задача была настолько важной, что на подарки каждый член делегации потратил по 500 рублей сверх скудного бюджета, который выделил на эту статью расходов Госстрой. В качестве подарков везли книги по архитектуре, папиросы, значки, а также «каждый член делегации имел полтора-два килограмма конфет»²⁰. Подарками одаривали даже прислугу в гостиницах. Из этого же отчета становится ясно, что везли из командировок не только знания в головах и книгах, но и разного рода «образцы», в том числе больничную койку, парты, школьные доски и даже подъемный кран. Архив Отдела внешних сношений Госстроя содержит немало документов об экспертизах разного рода образцов строительных материалов с выводами о том, нужно и можно ли их производить в Советском Союзе, а список вопросов для командированных после перечисления интересующих технологий может содержать пункт о том, имеются ли на эти технологии патенты. Секретная форма отчета о результатах изучения и использования импортных образцов новой техники 1965 года содержит пункты, посвященные испытанию образцов, созданию их отечественного аналога, возможности его серийного производства и оценки того, какую экономию это принесет государству²¹.

---

¹⁸ РГАЛИ, Ф. 2466 /Московское отделение СА СССР/. Оп. 4. Д. 758. Л. 5.

¹⁹ РГАЭ, Ф. 339 /Госстрой СССР/. Оп. 3. Д. 368. Л. 36.

²⁰ РГАЭ, Ф. 339 /Госстрой СССР/. Оп. 3. Д. 368. Л. 37.

²¹ РГАЭ, Ф. 339 /Госстрой СССР/. Оп. 2. Д. 830. Л. 6.

Важной частью деловых поездок советских архитекторов было участие в разного рода профессиональных международных организациях. Особенно активное участие СССР принимал в деятельности Международного союза архитекторов (Union Internationale des Architectes, МСА). Союз был создан в 1948 году по результатам решения, принятого на международном съезде архитекторов в Лондоне двумя годами ранее. Один из конгрессов МСА прошел в Москве в 1958 году, и это было первое (возможно, и последнее) мероприятие, привлекшее в Советский Союз такое количество зарубежных архитекторов. Московский конгресс 1958 года был пятым по счету, его тема – «Строительство и реконструкция городов: 1945–1957». В нем приняли участие 1500 делегатов из 51 страны. За месяц до конгресса, в июне того же года, в Академии художеств в Ленинграде прошел Международный форум студентов-архитекторов, в котором принимали участие молодые профессионалы из 22 стран, в том числе США, Великобритании, Франции, Бразилии. В дальнейшем президентом МСА стал советский архитектор и инженер Георгий Орлов, и советские делегаты принимали активное участие во всех конгрессах и комиссиях союза (Орлов 2002).

Несмотря на то, что количество выезжавших за рубеж архитекторов было не очень велико, поездки оказывали влияние на профессиональную культуру и личный опыт. Для архитектора очень важно иметь возможность не только видеть фотографии и чертежи, но и побывать в знаменитых зданиях, будь то классические или модернистские. Здание – это процесс, разворачивающийся в пространстве, дать полное представление о нем может только личное присутствие, ощущение, осязание этого пространства. Кроме личного опыта архитекторов зарубежные поездки были важны потому, что советский архитектурный истеблишмент становился частью мирового архитектурного процесса через участие в конференциях, конгрессах, комиссиях и выставках, да и просто через знакомство и общение с иностранными коллегами.

ВЛИЯНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА НА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

Если говорить о непосредственных, краткосрочных результатах увеличившихся контактов с заграницей в конце 1950-х годов, то они были безусловно позитивными. Кроме непосредственного влияния западной европейской и американской архитектуры на облик советских зданий в области архитектуры, как и во многих других, в 1960-х годах произошло заметное оживление и обновление. Импульс, полученный в результате знакомства с зарубежными журналами и в результате таких поездок, сыграл здесь большую роль.

В 1960-е годы советская архитектура пережила короткий взлет экспериментального проектирования, своего рода «новые двадцатые». Самыми известными футуристическими проектами этого времени являются «Новый элемент расселения» (НЭР) группы молодых архитекторов из МАИ (Vocharnkova 2014) и «Дом Нового Быта» московского архитектора Натана Остермана. «Дом Нового Быта» был продолжением идеи домов-коммун 1920-х годов, а идея линейных городов НЭР

была в основном вдохновлена зарубежными коллегами, особенно, как отмечает Илья Лежава, в ее визуальной части²². Нужно отметить, что для европейской и американской архитектуры 1960-е годы были периодом утопий и футуристических проектов, поэтому эта часть советской архитектурной практики шла в одном направлении с мировым мейнстримом и вызывала интерес за рубежом. Так, в заключении своей книги о советском авангарде «Город и революция» французский историк архитектуры Анатолий Копп отмечает возрождение советской архитектуры и пророчит ей большое будущее (Корр 1967). В 1968 году проект НЭР был включен в программу Триеннале в Милане, а одноименная книга была переведена на несколько языков – невиданный успех для советской архитектуры, не имеющей отношения к авангарду 1920-х. Однако период оживления и многообещающих начинаний был кратким, и уже в начале 1970-х советская архитектура теряет импульс этого стремительного развития и обновления, сообщенный ей оттепелью.

Нужно отметить, что интенсификация контактов с границей имела два долговременных положительных эффекта для советских архитекторов: во-первых, они получили возможность наблюдать памятники архитектуры вживую, что очень важно для архитектурной профессии, во-вторых, новый импульс получила академическая сфера истории и теории зарубежной современной архитектуры. Как мы полагаем, эта ниша попадает в категорию феноменов «быть вне» (*being vnyu*), описанных Алексеем Юрчаком (Yurchak 2006), поскольку занятия теорией современной зарубежной архитектуры позволяли находиться в отдалении как от советского архитектурного дискурса, так и от советской архитектурной практики, то есть осознавать себя в одном пространстве с виллами Ле Корбюзье и утопическими коллажами «Аркигрэм», вне реальности домостроительных заводов и реконструкций котельных. Зарубежные архитектурные теории также заполняли пустующее в советском архитектурном дискурсе место – место теории. Несмотря на то, что создание общей теории социалистической архитектуры было задачей не одного исследовательского института, она так никогда и не появилась. Имея практику и историю, советская архитектура была лишена собственной теоретической базы. Вполне вероятно, что этот пробел обусловлен тем, что дискурс соцреализма в архитектуре уже к концу 1950-х годов потерял всякий смысл, превратившись в несколько ритуальных фраз во введении и заключении.

Советская архитектура оказалась формой без смысла, означающим без означаемого, или, скорее, бессистемным набором формальных и/или индивидуальных смыслов, из которых никакого «языка архитектуры» не складывалось. Это относится в большей степени к профессиональному метадискурсу, потому что на повседневном уровне «язык» архитектуры обычно вырабатывается культурой естественно и меняется с течением времени. Культурные коды, связанные с «хрущевками» и «сталинками», коммунальными квартирами, центром и периферией, обычно понятны носителям советской (а сейчас – постсоветской) культуры. Однако это повседневное понимание архитектуры не может заменить внутрипрофессиональный дискурс. Отсутствие развитой теории (теорий) архитектуры не

---

²² Интервью автора, 5 июня 2015 года, Москва.

мешает возведению новых зданий, но обедняет и практику, и научную жизнь. Кроме того, дебаты о теории архитектуры консолидируют профессиональное сообщество, способствуют объединению и разделению (без одного другого не бывает) творческих групп. Об этом еще в 1967 году писали советские историки архитектуры: «Опыт развития архитектуры XX века показывает, что темпы развития во многом зависят от той роли, которую играют в общем творческом процессе открытые конкурсы, экспериментальное проектирование и строительство, разработка научно-технических проблем и поисковое проектирование» (Иконников, Хан-Магомедов, Шайхет 1967:4).

Хрущевская архитектурная «перестройка», смена стиля на международный модернизм и увеличившееся количество контактов с зарубежными коллегами изменили советскую архитектурную культуру и самовосприятие советских архитекторов. В сталинский период советская архитектура существовала независимо от мировой, в своем отдельном мире, где античность и ренессанс были ближе и легитимнее, чем собственный модернистский авангард. В этот период архитекторы редко выезжали за рубеж, и советская архитектура существовала не параллельно, а скорее *асинхронно* по отношению к мировой. Здесь можно вспомнить предложенную Борисом Гройсом (2013) концепцию сталинского искусства как апогея авангарда. Согласно Гройсу, авангард, требующий полного отказа от предшествующей культуры, борется с прошлым и ввиду этого от прошлого неотделим, он существует только на фоне многовековой культуры. Сталинский социалистический реализм мог апроприировать самые классические формы, поскольку он не являлся (идеологически) результатом развития европейской культуры, а радикально с ней порывал. Таким образом, новизна формы соцреализму не требовалась, поскольку он обладал радикальной новизной содержания. Гройс пишет: «При Сталине было принято говорить, что Советский Союз остался единственным хранителем культурного наследия, от которого сама буржуазия отреклась, которое она предала, – подтверждением этого тезиса для сталинских теоретиков служил как раз успех “нигилистического” и “антигуманистического” авангарда на Западе» (2013:66). Согласно Гройсу, сталинский период – это мир после конца времени, когда движение истории останавливается, потому что ее пик – революция и победа коммунизма – уже достигнуты. Таким образом, развитие останавливается, и в распоряжении сталинского искусства оказываются все достижения прежних времен. То есть сталинский неоклассицизм – это не возвращение назад или обновление старого, а обращение и пребывание в вечности. Понимание этого дает нам представление о сталинской культуре как пребывающей вне мирового процесса развития, которое по ту сторону еще-не-железного занавеса продолжается полным ходом. С началом хрущевской оттепели советская культура потеряла свое качество вневременной исключительности и снова подключилась к общемировому процессу. Для архитектуры это имело далеко идущие последствия.

С 1960-х годов советская архитектура стала неотъемлемой частью мирового архитектурного пространства, точнее – его глубокой периферией. Для советской архитектуры это было попыткой играть на чужом поле, не имея ни навыков игры, ни необходимых ресурсов. Европейская и американская архитектуры были устро-

ены иначе, имели другую профессиональную культуру и экономическую базу, у советской архитектуры просто не было шансов в этом соревновании. К сожалению, популярный сейчас подход «множественных модернизмов» часто упускает момент экспансии послевоенного модернизма, представляя европейский и американский модернизм как всегда международный, что не совсем верно. Только начиная с 1950-х годов модернизм становится действительно международным, глобальным, распространяясь на развивающиеся страны и страны третьего мира, происходит его экспорт из центра на периферию и ее, периферии, кардинально расширение (Oaskman 1993). Советский Союз попадает в эту волну распространения позднего модернистского стиля и к началу 1970-х становится частью архитектурной мир-системы. Однако процесс включения в эту систему происходит неоднозначно и неровно – прежде всего на уровне визуального стиля и мироощущения, без значительных изменений в практике и экономике строительства.

Благодаря относительно свободному проникновению информации о зарубежной архитектуре в СССР, значительному количеству поездок, участию в международных мероприятиях и конкурсах советские архитекторы становятся причастны к очень непохожей на советскую системе ценностей западной архитектуры. Эта система, без сомнения, никогда не была монолитной, но существует общий паттерн, общий канон самых известных архитекторов, консенсус по поводу того, что есть архитектура высокого класса, внимание к теории, и советской архитектуре в этот канон вписаться было очень трудно. Сложно сказать, насколько этот западный канон был усвоен советскими архитекторами, насколько он давал повод к разочарованию их профессиональной повседневностью, вполне возможно, что нет. Однако совершенно точно, что поздне- и постсоветский нарратив о незначительности позднесоветской архитектуры (который претерпевает сейчас коренное изменение) проистекает именно из рассмотрения своей архитектуры через призму западной. Мы же полагаем, что позднесоветская архитектура – это не только плохая копия послевоенного модернизма. По своей сути она отличается от западной, у нее другие задачи, условия, внутреннее развитие, и рассматривать ее нужно с осознанием европоцентричности современной нам истории и теории архитектуры.

Мы разделяем распространенное в советских исследованиях положение об «особости» Советского Союза, его радикальном отличии от стран Запада, о связях с которыми идет речь в нашей статье. Несмотря на то, что в большинстве областей социальной и культурной истории эта специфика Советского Союза и *советского* признается, а ученые отказываются от бинарных противопоставлений и сравнений, переходя к соположению и безоценочному признанию различий, в истории искусств тенденция отделять плохое от хорошего, кажется, по-прежнему сильна. Концепция «множественных модернизмов» представляется нам значительным шагом вперед к признанию уникальности и разнообразия модернистской архитектуры второй половины XX века. По нашему мнению, постсталинский советский модернизм следует осознать как *другую* архитектуру, которая может иметь формальное сходство, но коренным образом отличается от своего западного прототипа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1967 году в статье для сборника «Советский Союз: Пятьдесят лет» один из самых влиятельных архитектурных критиков США Ада Луиза Хакстебл называет советский постсталинский модернизм «слегка устаревшим международным стилем» и далее отмечает:

Советские архитекторы высшего ранга сейчас находятся в самом привилегированном положении. Они много путешествуют и развивают международные связи, их поездки больше не ограничиваются восточноевропейскими странами. Они воспринимают с энтузиазмом и пониманием то, что видят за рубежом. На уровне высшего образования в архитектурных библиотеках открыт свободный доступ к полному ассортименту профессиональной периодики, включая американскую, хотя выбор в архитектурных книжных даже в больших городах оставляет желать лучшего. Часть передовых западных достижений плохо воспринимается в советском контексте, поскольку советская культура и эстетика еще не достигли нужного уровня развития, но вполне естественно, что процесс обучения и ассимиляции, как и в любой другой сфере, происходит постепенно. Ограниченность или наивность интерпретаций объясняются естественным культурным разрывом между страной, чья индустриализация началась пятьдесят лет назад, и странами, которые уже на тот момент были передовыми индустриальными державами (Huxtable 1967:273).

Хотя Хакстебл и видит развитие советской архитектуры сквозь призму теории модернизации, она дает довольно реалистичную картину того, что происходило в Союзе в 1960-е годы. Архитекторы путешествуют, читают, смотрят, научаются работать по западным образцам. В ее эссе очевидна вера в то, что советские архитекторы находятся на правильном пути и могут в обозримом будущем достигнуть уровня развития западного мейнстрима. К 1967 году советская архитектура уже включилась в орбиту мирового модернизма и стала одной из многих, а не диковинной (как воспринимался сталинский ампи́р первыми западными архитектурными туристами в 1950-е годы). Это включение произошло как изнутри, так и снаружи, советские архитекторы старались апроприировать зарубежный модернизм, а иностранные критики и историки архитектуры перестали подчеркивать кардинальную инаковость советской архитектуры. Таким образом, несмотря на железный занавес, Холодную войну и продолжающуюся фильтрацию информации с советской стороны, создается общее пространство коммуникации. Однако, как было показано в последнем разделе настоящей статьи, на более глубоком уровне понимание оказывается иллюзорным, и различия между западной и советской архитектурой остаются непреодолимыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басс, Вадим. 2016. «Формальный дискурс как последнее прибежище советского архитектора». *Новое литературное обозрение* 137. Просмотрено 26 сентября 2016 г. (<http://www.nlobooks.ru/node/6998>).
- Белоголовский, Владимир и Александр Рябушин. 2009. *Феликс Новиков*. М.: Татлин.

- Броновицкая, Анна. 2004. «Сны о чем-то дальнем: советская архитектура и Запад от “оттепели” до перестройки». *Проект России* 4:89–100.
- Гозак, Андрей. 2011. *Ценности жизни – ценности архитектуры. Очерки, статьи, воспоминания*. М.: С. Э. Гордеев.
- Горсач, Энн. 2010. «Выступление на международной сцене: советские туристы хрущевской эпохи на капиталистическом западе». *Антропологический форум* 13:359–380.
- Гройс, Борис. 2013. *Gesamtkunstwerk Stalin*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Жук, Сергей. 2013. «Советское общество и культура времен “холодной войны”: новые тенденции в современной западной историографии на рубеже столетий». С. 388–432 в *Прошлый век*, т. 1, под ред. Алексея Миллера. М.: ИНИОН РАН.
- Иконников, Андрей, Селим Хан-Магомедов и Анатолий Шайхет. 1967. *Советская архитектура вчера, сегодня, завтра*. М.: Знание.
- Кандилис, Жорж. 1964. «1918–1920. Героический период в архитектуре СССР». *Современная архитектура* 3–4:21.
- Касьян, Полина. 2014. «Рецепция западных постмодернистских идей в советской архитектурной теории и критике 1960–1980-х гг.». Магистерская диссертация, Факультет истории искусств, Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Касьяненко, Василий. 1987. «Использование американского опыта в период становления советского промышленного зодчества (сотрудничество с фирмой Альберта Кана)». С. 111–121 в *Взаимодействие культур СССР и США, XVIII–XX вв.*, под ред. О. Тугановой. М.: Знание.
- Косенкова, Юлия и Татьяна Самохина. 2007. «Академические наука и образование в истории советской архитектуры (1933–1963)». Просмотрено 26 февраля 2014 г. (<http://niitag.ru/akademicheskie-nauka-i-obrazovanie-v-istorii-sovetskoj-arhitektury-1933-1963/>).
- Кочеткова, Елена. 2013. «Модернизация советской целлюлозно-бумажной промышленности в 1953–1964 гг.: случай Энсо-Светогорска». *Laboratorium. Журнал социальных исследований* 3:13–42.
- Кудрявцев, Александр. 2007. «Служение архитектуре». С. 5–10 в *Андрей Владимирович Иконников. Полвека служения архитектуре*, под ред. Анны Кудрявцевой. М.: Издательство «Московские учебники и картолиотография».
- Некрасов, Андрей и Алексей Щеглов, авторы-составители. 2006. *МАРХИ XX век*. Сборник воспоминаний в 5 томах. Т. 4: 1958–1970. М.: Салон-Пресс.
- Новиков, Феликс. 2006. «Зодчество: смена эпох. К пятидесятилетию архитектурной “перестройки”». *Новый мир* 3. Просмотрено 26 сентября 2016 г. (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/3/no10.html).
- Орлов, Георгий. 2002. «Творчество и международная общественная деятельность архитектора Г. М. Орлова: проблемы преемственности». Диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры, Московский архитектурный институт.
- Посохин, Михаил. 1995. *Дороги жизни: из записок архитектора*. М.: Стройиздат.
- Прозументчиков, Михаил, отв. сост. 2009. *Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Документы из личного фонда Н. С. Хрущева. В 2 томах*. Т. 1. М.: МФД.
- Хан-Магомедов, Селим. 2013. «Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы». С. 130–140 в *Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре*. М.: РОССПЭН.
- Шпотов, Борис. 2005. «Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928–1933 гг.». С. 172–196 в *Экономическая история. Ежегодник*. М.: РОССПЭН.
- Шпотов, Борис. 2013. *Американский бизнес и Советский Союз, 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Autio-Sarasma, Sari. 2001. “Khrushchev and the Challenge of Technological Progress.” Pp. 133–149 in *Khrushchev in the Kremlin: Policy and Government in the Soviet Union, 1953–1964*, edited by Jeremy Smith and Melanie Ilic. New York: Routledge.
- Bellat, Fabien. 2007. “France-URSS: Regards sur l’architecture (1931–1958).” PhD dissertation, Department of Art History and Archeology, Paris West University Nanterre La Défense (University of Paris X).

- Bellat, Fabien. 2014. *Amériques-URSS: Architectures du défi*. Paris: Chaudun.
- Bittner, Stephen V. 2001. "Remembering the Avant-Garde: Moscow Architects and the 'Rehabilitation' of Constructivism, 1961–1964." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 2(3):553–576.
- Bocharnikova, Daria. 2014. "Inventing Socialist Modern: A History of the Architectural Profession in the USSR, 1932–1971." PhD dissertation, Department of History and Civilization, European University Institute.
- Clark, Katerina. 2011. *Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Espagne, Michel. 2013. "La notion de transfert culturel." *Revue Sciences/Lettres* (Online) 1. Retrieved May 8, 2014 (<http://rsl.revues.org/219>).
- Espagne, Michel, and Michaël Werner. 1987. "La construction d'une référence culturelle allemande en France: Genèse et histoire (1750–1914)." *Annales: Économies, Sociétés, Civilisations* 42(4):969–992.
- Gorsuch, Anne E. 2011. *All This Is Your World: Soviet Tourism at Home and Abroad after Stalin*. Oxford: Oxford University Press.
- Gorsuch, Anne E., and Diane P. Koenker, eds. 2006. *Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Guilburd, Eleonory. 2006. "Books and Borders: Sergei Obraztsov and Soviet Travels to London in the 1950s." Pp. 227–247 in *Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism*, edited by Anne E. Gorsuch and Diane P. Koenker. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Huxtable, Ada Louise. 1967. "Building the Soviet Society: Housing and Planning." Pp. 241–275 in *The Soviet Union: The Fifty Years*, edited by Harrison E. Salisbury. New York: Harcourt, Brace & World.
- Jersild, Austin. 2011. "The Soviet State as Imperial Scavenger: 'Catch Up and Surpass' in the Transnational Socialist Bloc, 1950–1960." *American Historical Review* 116(1):109–132.
- Kopp, Anatole. 1967. *Ville et révolution: Architecture et urbanisme soviétiques des années vingt*. Paris: Anthropos.
- Oackman, Joan. 1993. *Architecture Culture 1943–1968: A Documentary Anthology*. New York: Rizzoli.
- Péteri, Gyorgy. 2004. "Nylon Curtain—Transnational and Transsystemic Tendencies in the Cultural Life of State Socialist Russia and East-Central Europe." *Slavonica* 10(2):113–123.
- Pinsky, Anatoly. 2015. "Soviet Modernity Post-Stalin: The State, Emotions, and Subjectivities." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 16(2):395–411.
- Quilici, Vieri. 1965. *Architettura Sovietica Contemporanea*. Bologna, Italy: Capelli.
- Schmelz, Peter. 2009. *Such Freedom, if Only Musical: Unofficial Soviet Music during the Thaw*. New York: Oxford University Press.
- Yurchak, Alexei. 2006. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Zhuk, Sergei. 2014. "Hollywood's Insidious Charms: The Impact of American Cinema and Television on the Soviet Union during the Cold War." *Cold War History* 14(4):593–617.

СПИСОК АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

РГАЭ (Российский государственный архив экономики).

- Ф. 339 /Госстрой СССР/. Оп. 2. Д. 830. Л. 6: Переписка с госкомитетами о результатах технического сотрудничества с зарубежными странами и внедрении новой техники в строительстве. 4 марта – 18 октября 1965. Отчет о результатах изучения и использования импортных образцов новой техники. По форме, секретно.
- Ф. 339 /Госстрой СССР/. Оп. 3. Д. 368. Л. 36–37: Записка, информация и краткий предварительный отчет-донесение делегации советских строителей о поездке в ФРГ для изучения жилищного строительства. 12 октября – 31 октября 1957 года.

РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства).

- Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 4. Д. 838. Л. 24: Типовой договор Интуриста с организацией, 1966 год.
- Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 4. Д. 844. Л. 105: Расчет к плану культурных связей СА СССР с зарубежными союзами архитекторов на 1967 год (деловые поездки).
- Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 5. Д. 2110: Списки участников спец- и турпоездок в зарубежные страны в 1968 году от СА СССР. Часть 2.
- Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 5. Д. 2112. Л. 51–62: План культурных связей СА СССР на 1969–1970 годы.
- Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 5. Д. 2772: Стригалева, А. А. Характеристика французского журнала «Архитектура сегодня».
- Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 8. Д. 43. Л. 12: План выездов специализированных тургрупп в соцстраны по ГККС СМ СССР на 1964 год.
- Ф. 674 /Союз архитекторов СССР/. Оп. 8. Д. 43. Л. 13–17: План выездов специализированных тургрупп в зарубежные (капиталистические и развивающиеся) страны по ГККС СМ СССР на 1964 год.
- Ф. 2466 /Московское отделение СА СССР/. Оп. 4. Д. 758: Сведения о зарубежных поездках архитекторов за 1961–1967 годы и докладная записка о состоянии и мерах дальнейшего улучшения работы секции, ноябрь 1967 года, на 6 листах.

SOVIET ARCHITECTURE AND THE WEST: THE DISCOVERY AND ASSIMILATION OF WESTERN NARRATIVES AND PRACTICES IN SOVIET ARCHITECTURE IN THE LATE 1950s–1960s

Olga Yakushenko

Olga Yakushenko is a PhD candidate in the Department of History and Civilization at the European University Institute in Florence, Italy. Address for correspondence: Department of History and Civilization, European University Institute, Villa Salvati, Via Bolognese 156, Florence 50139, Italy. olga.yakushenko@eui.eu.

This article deals with the impact of western architecture on Soviet architecture during and after the Thaw and Nikita Khrushchev's reforms in the spheres of architecture and construction. By the late 1950s international postwar modernism became an official Soviet architectural style. The article explains how Soviet architects discovered and learned this new style: through magazines and books, both translated and in their original languages; through business and tourist trips abroad; and through personal connections and official channels. The main argument is that in the 1960s Soviet architecture became embedded in an international system of architecture but at its far periphery. Moreover, the visual westernizing makeover of Soviet architecture did not change its inner structure and has rather negative implications for the perception and evaluation of the architectural legacy of the post-Stalin era.

Keywords: Cold War; Iron Curtain; Modernism; Soviet Architecture; Soviet Modernism; Cultural Transfers; Post-Stalinism; Thaw; Soviet Union and the West

REFERENCES

- Autio-Sarasmo, Sari. 2001. "Khrushchev and the Challenge of Technological Progress." Pp. 133–149 in *Khrushchev in the Kremlin: Policy and Government in the Soviet Union, 1953–1964*, edited by Jeremy Smith and Melanie Ilic. New York: Routledge.
- Bass, Vadim. 2016. "Formal'nyi diskurs kak poslednee pribezishche sovetskogo arkhitekora." *Novoe literaturnoe obozrenie* 137. Retrieved September 26, 2016 (<http://www.nlobooks.ru/node/6998>).
- Bellat, Fabien. 2007. "France-URSS: Regards sur l'architecture (1931–1958)." PhD dissertation, Department of Art History and Archeology, Paris West University Nanterre La Défense (University of Paris X).
- Bellat, Fabien. 2014. *Amériques-URSS: Architectures du défi*. Paris: Chaudun.
- Belogolovskii, Vladimir, and Aleksandr Riabushin. 2009. *Feliks Novikov*. Moscow: Tatlin.
- Bittner, Stephen V. 2001. "Remembering the Avant-Garde: Moscow Architects and the 'Rehabilitation' of Constructivism, 1961–1964." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 2(3):553–576.
- Bocharnikova, Daria. 2014. "Inventing Socialist Modern: A History of the Architectural Profession in the USSR, 1932–1971." PhD dissertation, Department of History and Civilization, European University Institute.
- Bronovitskaia, Anna. 2004. "Sny o chem-to dal'nem: Sovetskaia arkhitektura i Zapad ot 'otpepli' do perestroiki." *Proekt Rossiia* 4:89–100.
- Candilis, Georges. 1964. "1918–1920: Geroicheskii period v arkhitekture SSSR." *Sovremennaia arkhitektura* 3–4:21.
- Clark, Katerina. 2011. *Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Espagne, Michel. 2013. "La notion de transfert culturel." *Revue Sciences/Lettres* (Online) 1. Retrieved May 8, 2014 (<http://rsl.revues.org/219>).
- Espagne, Michel, and Michaël Werner. 1987. "La construction d'une référence culturelle allemande en France: Genèse et histoire (1750–1914)." *Annales: Économies, Sociétés, Civilisations* 42(4):969–992.
- Gorsuch, Anne E. 2010. "Vystuplenie na mezhdunarodnoi stsene: Sovetskie turisty khrushchevskoi epokhi na kapitalisticheskom zapade." *Antropologicheskii forum* 13:359–380.
- Gorsuch, Anne E. 2011. *All This Is Your World: Soviet Tourism at Home and Abroad after Stalin*. Oxford: Oxford University Press.
- Gorsuch, Anne E., and Diane P. Koenker, eds. 2006. *Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Gozak, Andrei. 2011. *Tsennosti zhizni – tsennosti arkhitektury: Ocherki, stat'i, vospominaniia*. Moscow: S. E. Gordeev.
- Grois, Boris. 2013. *Gesamtkunstwerk Stalin*. Moscow: Ad Marginem Press.
- Guilburd, Eleonory. 2006. "Books and Borders: Sergei Obraztsov and Soviet Travels to London in the 1950s." Pp. 227–247 in *Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism*, edited by Anne E. Gorsuch and Diane P. Koenker. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Huxtable, Ada Louise. 1967. "Building the Soviet Society: Housing and Planning." Pp. 241–275 in *The Soviet Union: The Fifty Years*, edited by Harrison E. Salisbury. New York: Harcourt, Brace & World.
- Ikonnikov, Andrei, Selim Khan-Magomedov, and Anatolii Shaikhet. 1967. *Sovetskaia arkhitektura vchera, segodnia, zavtra*. Moscow: Znanie.
- Jersild, Austin. 2011. "The Soviet State as Imperial Scavenger: 'Catch Up and Surpass' in the Transnational Socialist Bloc, 1950–1960." *American Historical Review* 116(1):109–132.
- Kas'ian, Polina. 2014. "Retseptsiiia zapadnykh postmodernistskikh idei v sovetskoii arkhitekturnoi teorii i kritike 1960–1980-kh gg." MA thesis, Department of Art History, European University at St. Petersburg.

- Kas'ianenko, Vasilii. 1987. "Ispol'zovanie amerikanskogo opyta v period stanovleniia sovetskogo promyshlennogo zodchestva (sotrudnichestvo s firmoi Al'berta Kana)." Pp. 111–121 in *Vzaimodeistvie kul'tur SSSR i SShA, XVIII–XX vv.*, edited by O. Tuganova. Moscow: Znanie.
- Khan-Magomedov, Selim. 2013. "Khrushchevskii utilitarizm: Pliusy i minusy." Pp. 130–140 in *Estetika "ottepeli": Novoe v arkhitekture, iskusstve, kul'ture*. Moscow: ROSSPEN.
- Kochetkova, Elena. 2013. "Modernizatsiia sovetskoi tselliulozno-bumazhnoi promyshlennosti v 1953–1964 gg.: Sluchai Enso-Svetogorska." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 3:13–42.
- Kopp, Anatole. 1967. *Ville et révolution: Architecture et urbanisme soviétiques des années vingt*. Paris: Anthropos.
- Kosenkova, Iuliia, and Tat'iana Samokhina. 2007. "Akademicheskie nauka i obrazovanie v istorii sovetskoi arkhitektury (1933–1963)." Retrieved February 26, 2014 (<http://niitag.ru/akademicheskie-nauka-i-obrazovanie-v-istorii-sovetskoy-arkhitektury-1933-1963>).
- Kudriavtsev, Aleksandr. 2007. "Sluzhenie arkhitekture." Pp. 5–10 in *Andrei Vladimirovich Ikonnikov: Polveka sluzheniia arkhitekture*, edited by Anna Kudriavtseva. Moscow: Izdatel'stvo "Moskovskie uchebniki i kartolitografiia."
- Nekrasov, Andrei, and Aleksei Shcheglov, eds. 2006. *MARKhI XX vek: Sbornik vospominanii v 5 tomakh*. Vol. 4: 1958–1970. Moscow: Salon-Press.
- Novikov, Feliks. 2006. "Zodchestvo: Smena epokh. K piatidesiatiletiu arkhitekturnoi 'perestroiki.'" *Novyi mir* 3. Retrieved September 26, 2016 (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/3/no10.html).
- Oackman, Joan. 1993. *Architecture Culture 1943–1968: A Documentary Anthology*. New York: Rizzoli.
- Orlov, Georgii. 2002. "Tvorchestvo i mezhdunarodnaia obshchestvennaia deiatel'nost' arkhitekatora G. M. Orlova: Problemy preemstvennosti." PhD dissertation, Moscow Architectural Institute.
- Péteri, Gyorgy. 2004. "Nylon Curtain—Transnational and Transsystemic Tendencies in the Cultural Life of State Socialist Russia and East-Central Europe." *Slavonica* 10(2):113–123.
- Pinsky, Anatoly. 2015. "Soviet Modernity Post-Stalin: The State, Emotions, and Subjectivities." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 16(2):395–411.
- Posokhin, Mikhail. 1995. *Dorogi zhizni: iz zapisok arkhitekatora*. Moscow: Stroizdat.
- Prozumenshchikov, Mikhail, ed. 2009. *Nikita Sergeevich Khrushchev: Dva tsveta vremeni. Dokumenty iz lichnogo fonda N. S. Khrushcheva. V 2 tomakh*. Vol. 1. Moscow: MFD.
- Quilici, Vieri. 1965. *Architettura Sovietica Contemporanea*. Bologna, Italy: Capelli.
- Schmelz, Peter. 2009. *Such Freedom, if Only Musical: Unofficial Soviet Music during the Thaw*. New York: Oxford University Press.
- Shpotov, Boris. 2005. "Uchastie amerikanskikh promyshlennykh kompanii v sovetskoi industrializatsii, 1928–1933 gg." Pp. 172–196 in *Ekonomicheskaiia istoriia: Ezhegodnik*. Moscow: ROSSPEN.
- Shpotov, Boris. 2013. *Amerikanskii biznes i Sovetskii Soiuz, 1920–1930-e gody: Labirinty ekonomicheskogo sotrudnichestva*. Moscow: LIBROKOM.
- Yurchak, Alexei. 2006. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Zhuk, Sergei. 2013. "Sovetskoe obshchestvo i kul'tura vremen 'kholodnoi voiny': Novye tendentsii v sovremennoi zapadnoi istoriografii na rubezhe stoletii." Pp. 388–432 in *Proshlyi vek*, vol. 1, edited by Aleksei Miller. Moscow: INION RAN.
- Zhuk, Sergei. 2014. "Hollywood's Insidious Charms: The Impact of American Cinema and Television on the Soviet Union during the Cold War." *Cold War History* 14(4):593–617.